

Н. ПЕВЦОВ 1934

ПОСЛЕ
НАЗВАНИЯ
ГОРОДА
ВАЙТ
ГОР

И. Н. ПЕВЦОВ В СОВЕТСКИХ РОЛЯХ

НИКОЛАЙ ПЕТРОВ

Многие режеры почувствовали холод и страх в могучих взлетах Октябрьских событий. Многие с „вершин“ начали спускаться в „долины“, ища защиты и пытаясь приспособиться. А многим выпала высокая честь — вместе с рабочим классом, плечо к плечу, строить новую культуру, творить искусство нового восходящего класса.

Таким счастливым был Илларион Николаевич.

Его творческий голос убедительно зазвучал для пролетариата со сцены советского театра.

Он не искал в себе маски, в которую поверил бы новый зритель. Он не пытался приспособиться. Ему это и не нужно было делать, так как его искусство было понятно массам, его искусство корнями уходило в толщу народных масс. Он был сразу же признан своим актером.

Секрет успеха актера Певцова заключался в том, что, будучи учеником реалистической школы, он замечательно умел взволновать зрителя подлинными чувствами, он умел заставить мыслить в театре, и за это его сразу же принял новый зритель, идущий учиться в театр.

Умирала на сцене мелкая мещанская психология, умирала бесфор-

менная взволнованность эмоционалистов, перестала волновать мелодия холодной читки французской школы, устал зритель от непонятных заумий формалистической режиссуры.

Реализм медленно, но верно завоевывал свои позиции, которые пытались захватить поборники „индустриального театра“, мечтавшие выгнать актера со сцены и ввести как действующих лиц дредноуты, танки и автомобили.

Певцов в театре после октябрьского периода был борцом за право человека на сцене, и нужна была его одаренность, его стойкость в убеждениях, его большое мастерство, чтобы рабочий зритель понял, признал и оценил то ценное, что нес в себе этот художник для дела строительства нового советского театра.

Мне выпало большое счастье ставить почти все пьесы, где Илларион Николаевич создавал образы советской драматургии.

Привыкши до революции работать над ролями большого диапазона, над ролями, где автор давал большой материал, пусть даже не высокого качества (например, роль Побяржина, в „Вере Мирцевой“, — роль, которой Певцов взволновал дореволюционную Москву, Певцов не легко мог

уложить свои огромные требования художника в те плоские картонные схемы, которые ему приходилось оживлять силою своего дарования. Таковы были и Красильников в „Штиле“, и Пацюк в „Шахтере“. Но тем ярче они у него получались, когда ему удавалось поймать хоть одну возможную черту в них, чтобы создать жизненно-правдивого человека.

Первая роль, над которой работал Илларион Николаевич в пьесах советской тематики, был Севастьянов из „Конца Криворыльска“ Б. Ромашова. Эта роль сразу же выдвинула Певцова в ведущие ряды актеров Госдрамы, несмотря на то, что до нее он сыграл не мало ролей. О Певцове сразу же заговорил Ленинград, и заговорил по-новому, как о новом явлении на театральной арене.

Достаточно примитивная роль Севастьянова, с мелодраматическим уклоном, все же дала возможность большому художнику Певцову вскрыть в данном образе те конкретные реальности нашей действительности, которые сразу же заволновали по-новому зрительный зал.

Как подлинный реалист театра Певцов вскрывал все причины, обуславливающие поведение Севастьянова, а следовательно, конкретизировал перед зрителем ту среду, ту

эпоху, которая выдвинула Севастьянова как образ.

После „Криворыльска“ в труппе б. Александринского театра начался резкий раскол на две группы: актеров, способных средствами реалистического искусства раскрывать нашу действительность (а никакими иными средствами ее и не раскроешь), и актеров, несших в себе „великолепие прежних пресловутых традиций“, которые трудно было применить и использовать в новом молодом советском театре. Илларион Николаевич, несмотря на молодость и несовершенство советской драматургии, возглавил первую группу, и не было ни одной новой пьесы, в которой Певцов не играл бы хотя бы и очень маленькую роль.

И всегда его участие было украшением спектакля. Полноценный, жизненно-правдивый образ он мастерски творил часто даже на пустом месте.

Следующей ролью Иллариона Николаевича была роль Красильникова в „Штиле“ Биль-Белоцерковского, о которой я говорил выше.

Роль Красильникова представлял собою буквально несколько реплик, но Певцов сумел найти и создать образ такой огромной запоминаемости, что для меня навсегда памятна его фигура, выходящая за занавес и ведущая беседу с аудиторией. Какой то бесконечной простотой и жестокой убедительностью веяло от каждого его движения, от каждого звука.

Для этой роли Илларион Николаевич почти даже не гримировался; он играл со своим лицом.

Элементы роли Красильникова Певцов впоследствии творчески развил в образе секретаря укома Путнина в пьесе „Ярость“ Яновского.

Я вспоминаю очень любопытный эпизод во время работы над „Яростью“. Роль Путнина — небольшая, в одной картине, и Илларион Николаевич все время просил меня ввести ему дублера, а я, видя, как он замечательно делает этот образ, дипломатически уклонялся от дублерства, понимая, что его участие в роли секретаря укома не только украшение спектакля, но и утверждение правильного политического равновесия в расстановке образов, тем более, что другие партийные фигуры в пьесе не были достаточно убедительны и несли на себе налет определенной театральности, а не жизненной простоты, которую так побеждал зритель Певцов.

Я рассчитывал на большой успех Иллариона Николаевича и был убежден, что ему не захочется расставаться с ролью.

Успех Певцова в этой роли превзошел все ожидания. На сцене в художественном образе ему удалось раскрыть такую несокрушимость партийной воли и в то же время показать такую бесконечную человечность в сцене с мальчиком Андрейкой, что зрительный зал неоднократно прерывал аплодисментами его исполнение

Певцов полюбил роль, он полюбил свое актерское ощущение в этой маленькой роли во время спектакля и бесменно играл 100 раз Путнина.

Следующей ролью, завершившей цикл советских образов, был профессор Бородин в пьесе „Страх“ Афиногенова. Сыграв блестяще Бородина и разрешив на сцене задачу раскрытия образа, Илларион Николаевич вышел в ряды ведущих актеров не только Ленинграда, но и всего Советского союза.

На ряду с удачными ролями советского репертуара были у Певцова и неудачи. Нельзя капитана Незелова из „Бронепоезда“ Вс. Иванова считать удачей. Да мы, хорошо знавшие Певцова в жизни, это сразу же определили уже по одному тому, что, как только работа у него не клеилась так, как он того хотел, к нему сейчас же возвращался его органический недостаток, — заикание.

Будучи от рождения занкой, он волею своей фантазии мог ставить себя в такие обстоятельства, что органический недостаток совершенно исчезал.

Художник Певцов обладал огромной творческой волей, бесконечной творческой фантазией, четкостью и ясностью мысли, легкостью своей эмоциональности.

Мы потеряли большого художника, но нам остались созданные им образы, его пути работы, его заветы, — художника-реалиста.